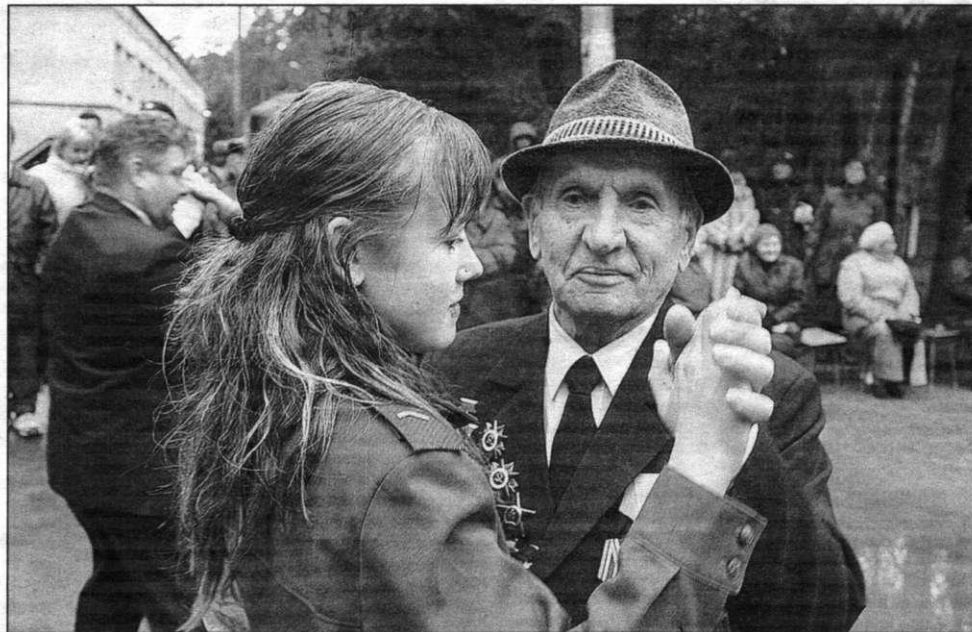

Он был настоящим героем

Мне посчастливилось общаться с Геннадием Евстигнеевичем Семеновым. Большое интервью с ним мы готовили к 60-летию Победы. Многочасовой разговор с Геннадием Евстигнеевичем — одно из самых ярких впечатлений моей журналистской деятельности. Он не рассказывал о войне в целом, не анализировал те исторические события, участником которых ему довелось быть. Он говорил о своей войне, о той, в которой каким-то чудом уцелел в самых тяжелых боях. И была в этом его рассказе такая страшная и трагическая, героическая и при этом неглянцевая правда, которую очень трудно пересказать, донести до читателя. Он ничего не

приукрашивал. Говорил так, как чувствовал и думал. Не спеша отвечал на вопросы, интересовался, зачем мне знать, что было самым страшным на войне. Было ощущение, что он не хочет быть неточным или голословным. Именно эта неуловимая, но очень точная интонация стала для меня мерилом правды. Правды без неискреннего пафоса и при этом без малейшего очернения. Поэтому было огромное желание в мае 2015 года вновь рассказать о Геннадии Евстигнеевиче Семенове в нашей газете. Но этой мечте не суждено было сбыться — 28 января на 94-м году жизни ветеран Великой Отечественной войны, почетный житель Сестрорецка,

Поселок Смолячково. Вальс Победы. 30 апреля 2005 года

заслуженный строитель РСФСР Геннадий Семенов скончался.

Поэтому сегодня мы публикуем фрагмент интервью с Геннадием Евстигнеевичем, которое он дал нашей газете, и фотоматериалы из его личного архива, которые он в 2005 году предоставил «Сестрорецким берегам», и

нашего корреспондента Евгения Нифашева. Публикуем в память о настоящем герое, о человеке, чья удивительная судьба стала судьбой настоящего солдата, настоящего патриота своей Родины.

Окончание на стр. 4

Он был настоящим героем

Окончание. Начало на стр. 3

Геннадий Евстигнеевич Семенов ушел на фронт добровольцем на шестой день войны. Ему было 19 лет.

«Было собрание комсомольской организации завода «Красный Октябрь», — рассказывает Геннадий Евстигнеевич. — Я тогда там работал, был секретарем цеховой комсомольской организации. У нас было единодушное решение — идти сражаться. 172 человека тогда ушли. Вернулись кроме меня трое.

Меня направили на Ленинградский фронт. В ночь с 28 на 29 сентября 1941 года был высажен десант в Стрельне, примерно там, где сейчас находится Константиновский дворец. Если сказать по-фронтовому, то операция захлебнулась, успеха она не имела. А я получил первое ранение. И попал в госпиталь. В Ленинград...»

Он был уверен, что важно не бояться. «Смелость на фронте — первое дело. Бояться нельзя. Будешь бояться — непременно убьют», — говорил он.

Геннадий Евстигнеевич участвовал во всех значительных сражениях обороны Ленинграда, прорывал блокадное кольцо, участвовал в полном снятии блокады. В 1944-м освобождал Пушкин.

«Я туда еще до освобождения в разведку ходил. На станцию Александровская, за Пулковскими высотами... Какое это было время... Неделями лежал в канаве у дороги, следили... Штаб армии фашистов находился в Пушкине. Нам нужно было брать «языков». Задача была — захватить штабной фургон или штабного офицера.

В разведку берут три группы: группу захвата, саперов и группу прикрытия. И все. Чтобы лишних людей не терять, лишних не надо с собой брать. Мы ходили втроем, выслеживали несколько дней «Виллис». Смотрели, в какое время идет в штаб, а в какое — обратно. Обратно же он с документами должен ехать. Машину мы захватили. А ее, между прочим, голыми руками не возьмешь.

Погоду подобрали, когда метель: заносит же машину на большой скорости... Кинули гранату под «Виллис». Сзади офицер сидел, а у него капюшон был. И окошечко сзади в машине. Офицера взрывной волной в это окошечко отбросило и захватило, как в капкан. И вот он в этом капюшоне из окна машины высунулся — и ни туда, ни сюда... А шофера убило. Офицер же был только ранен. Оказался начальником штаба. Мы его и поволокли к себе. Был у этого офицера огромный желтый портфель... Документы там из Берлина были... Мы его приволокли через нейтральную полосу, через передовую... Мой однополчанин, Андрей его звали, и говорит: «Ну, фашист, дай я тебя хоть разок стукну...». Стукнул — и убил. Если бы не эти уникальные документы, то были бы мы все в штрафной роте. За то, что «языка» он убил. Но документы нас спасли, они утром уже были в Ленинграде. Офице-

Геннадию Семенову недавно исполнилось 20 лет. Он только что вступил в партию и был награжден орденом Красной Звезды

Путь воинской славы Геннадия Евстигнеевича СЕМЕНОВА — это реальная история Великой Отечественной войны. В девятнадцать он отправился на фронт добровольцем. Первый орден получил в 20 лет. Ему довелось воевать на Ленинградском фронте, на Пулковских высотах, он выжил на «Невском пятачке», участвовал в прорыве и снятии блокады, освобождал Пушкин и Кингисепп, прошел всю Эстонию, а День Победы встретил в Кенигсберге.

ры тогда получили награды, ордена, а мы — ничего.

А однажды немецкий самолет сел на нейтральную зону — заплутал, наверное. Небольшой такой, но с пулеметом. Мы его взяли в кольцо, окружили. Но летчики все сбегали. Правда, побросали в самолет абсолютно все документы и даже свои вещи. Ну, мы скорее в самолет. Сначала документы забрали, а потом и самолет утащили на себе. Ночью. Его потом в Ленинград отправили.

Да, много было необычного... Когда блокада началась, приходилось и сено у немцев воровать. Ведь в начале войны артиллерия была на лошадиной тяге. А лошадей-то кормить надо. А чем кормить, когда все, что можно было, сами съедали? Вот и пришлось у фашистов из-под носа сено воровать...»

2005 г.

трудные моменты были 800 на 250 метров. Там сражался Геннадий Евстигнеевич три месяца. И был ранен. Освобождал Кингисепп, потом Нарву, в Эстонии вновь был ранен. День Победы встретил в Кенигсберге. А через десять дней в условиях строжайшей секретности его, как и тысячи солдат, переправили на Дальний Восток.

Первую награду он получил в 20 лет. 20 государственных наград, среди которых «За отвагу», «За оборону Ленинграда», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией», корейский Орден Славы всех трех степеней, многочисленные благодарности, — немало у Геннадия Евстигнеевича Семенова знаков воинской доблести. Но большую часть нашего разговора он рассказывал о своих товарищах, о самих боях, о тех местах, где пришлось сражаться, о тех героях, которые воевали с ним рядом, о том, каким был тот или иной фронт, кто был главнокомандующим... А о себе рассказывал лишь по моим настойчивым просьбам. И чаще говорил «мы освобождали», «мы ходили в разведку». Редкая и совершенно несовременная черта — говорить о других. Мне кажется, что это и есть отличительная черта настоящих героев...

Сестрорецкое военно-мемориальное кладбище. 9 мая 2012 г.

Фото Евгения НИФАШЕВА

Фото Андрея ЗОЛЕНКО

Однако, по мнению Геннадия Евстигнеевича, даже в самые трудные дни войны, в самых тяжелых условиях люди на фронте были как одна семья: «Не было различия в национальностях, не было никогда никакой розни, были только «наши» и «они».

Но были и другие моменты. Те, о которых не хотелось бы говорить... Были такие люди, кто пытался себя покалечить, чтобы не воевать, — кто-то палец рубил, кто-то кипятком на руку лил... Но таких быстро вычисляли. И расстреливали. Было и так, что на моих глазах людей расстреливали. Расстреляли одного комиссара, который в бой за собой людей не повел. Жуткая история. Я несколько дней есть не мог. Расстреляли и одного матроса. Он, так же, как и я, в разведку ходил. Отправили его с донесением в Ленинград. Он донесение сдал, а в часть не вернулся. Говорил, что у девушки был. А вернуться должен был в определенный срок.

Расстреливали люди в специальных комбинезонах, они были без опознавательных знаков, никто не знал, кто они такие. Нет, конечно, мы знали, что это СМЕРШ. Но больше ничего не знали. Расстреливали перед строем, при всех... Но это неприятные истории, о которых не хочется говорить».

Как не хотел говорить Геннадий Евстигнеевич и о том, какими были освобождаемые территории. «Пепелища одни, а не города были», — коротко сказал он. Правда, уже после войны довелось ему посетить многие из тех городов. Увидеть восстановленные постройки и памятники, поставленные освободителям.

Мне не хотелось заканчивать наш разговор, который продолжался уже несколько часов. Я слушала рассказ Геннадия Евстигнеевича о боях на Пулковских высотах, о Невской Дубровке, о том, какими были и Красный Бор, и «Невский пятачок», про который не зря говорят «пятачок смерти» — ведь его размеры, как заметил мой собеседник, в самые